

Реакции детей на смерть значимых объектов

У. Нагера

Краткий обзор литературы

Обзор литературы, посвященной реакциям детей на смерть близких родственников должен также включать работы о реакциях детей на транзиторные утраты, поскольку они рассматриваются как горевание. Более того, очень маленький ребенок всегда остро реагирует на сепарацию от значимого объекта (матери) независимо от того, понимает ли он причину ее отсутствия или смысл смерти. Естественно, на определенных стадиях своего развития, как указывал Фрейд (1926), ребенок "еще не может различать временное отсутствие и перманентную утрату. Как только он теряет мать из виду, он начинает вести себя так, как будто он никогда ее больше не увидит; и необходим повторяющийся утешительный опыт обратного, прежде чем он узнает, что за исчезновением матери обычно следует ее новое появление... Вследствие неправильного понимания фактов ребенком ситуация отсутствия матери оказывается не просто опасной, а травмирующей. Или, правильнее было бы сказать, ситуация становится травмирующей, если случается так, что у ребенка в данный момент имеется потребность, которая должна удовлетворяться матерью."

Реакцию детей разных возрастов на сепарацию от родителей в различных условиях изучали и описывали Анна Фрейд и Дороти Берлингейм (1942, 1943), Шпиц (1945, 1946), Шпиц и Вольф (1946), Джеймс Робертсон (1958, 1962), Боулби (1960, 1961a, 1961b, 1963), Малер (1961) и другие. Боулби (1960) считает реакцию детей, разлученных со значимыми объектами, идентичной реакции горевания у взрослых - точка зрения, которую оспаривали Анна Фрейд (1960), Шур (1960), Шпиц (1960) и Вольфштейн (1966). Другие авторы, например Шамбау (1961), в полную противоположность мнению Боулби, соглашаются с Элен Дойч, которая полагает, что "процесс горевания, который мы видим у взрослых, явно отличается от процесса горевания, который мы видим у детей" (стр.521). Рохлин (1959) утверждает, что характерный для взрослых тип горевания не типичен для детей.

Флеминг и Альтшуль (1963), изучая влияние утраты объекта в детстве на структуру личности у взрослого, обнаружили широкий спектр последствий в виде задержки развития, слабого тестирования реальности, ослабления контроля над импульсами и др.

Макдональд (1964) описал реакцию детсадовских детей на смерть матери одной из девочек в их группе, тогда как Барнс (1964) описал реакцию этого ребенка и ее младшего сиблинга на смерть матери. Кейн и другие (1964, 1966) изучали реакции детей на смерть, естественную или в результате самоубийства, сиблинга и родителей. Они указывали на множество опасностей, с которыми столкнулись такие дети в процессе своего психического развития.

В литературе существуют некоторые разногласия касательно того, в каком возрасте дети становятся полностью способными к постижению концепции смерти и пониманию ее необратимости. Вольф полагает (1958), что чего-либо похожего на понимание смерти в зрелом возрасте не наблюдается до десяти-одиннадцатилетнего возраста, в то время как

Фурман (1964а) придерживается мнения, что двух-трехлетние дети способны "постичь смысл смерти", а дети в возрасте трех-четырёх с половиной лет обладают способностью горевать. Вольфенштейн (1966) оспаривала периодизацию, предложенную Фурман в отношении горевания. Вольфенштейн (1965) охарактеризовала реакцию ребенка на смерть родителя как сдерживаемый эмоциональный отклик и назвала ее "гореванием на расстоянии" с существующим явным противоречием между интенсивностью горя, проявляемого по отношению к кому-либо далекому (такому, как президент Кеннеди) по контрасту с интенсивностью горя, проявляемого в отношении близкого родственника

¹. Вольфенштейн (1966) утверждает, что в тех случаях, которые она изучала, горевание "как оно описано Фрейдом, не имело места" (стр.96). На самом деле "Болезненный и постепенный декатексис любимых родителей, который подростку приходится производить, служит посвящением в то, как нужно горевать... До тех пор, пока он не пройдет через то, что мы можем назвать пробным гореванием подросткового периода, он не способен горевать".

Лауфер наблюдал во время аналитического лечения реакцию подростка, мать которого неожиданно скончалась от коронарного тромбоза. Он утверждал, что "утрата эдипова объекта в подростковом возрасте может заложить основу вмешательства в развитие в том смысле, как это описал Нагера (1966)". Именно с этой точки зрения (*вмешательства в развитие*) я и буду рассматривать вопрос о реакциях детей на смерть близких родственников.

Этот краткий обзор литературы позволяет нам сделать заключение, что многие авторы расходятся во мнении относительно возраста, в котором дети становятся способными к гореванию. Одни, как, например, Боулби (1960), полагают, что горевание становится возможным и наблюдается начиная с шестого месяца жизни, другие, например Фурман (1964), считает, что горевание можно наблюдать только с третьего или четвертого года жизни. Есть другие авторы, например Шамбау (1961) и Рохлин (1959), считающие, что процесс горевания у взрослого и ребенка отличаются, и Вольфенштейн (1965, 1966), которая считает, что горевание становится возможным только с разрешением подростковой фазы, после того как произошло соответствующее обособление от родительских фигур.

Мой собственный взгляд ближе к точке зрения Вольфенштейн. Я считаю, что горевание, как оно определено Фрейдом (1917) и в том виде, в каком оно наблюдается у взрослых, невозможно до того, как произойдет отделение от родительских фигур в подростковом возрасте. Это не подразумевает, что некоторые аспекты взрослого процесса горевания не могут наблюдаться также и у детей как реакция на утрату значимого объекта, но я все же считаю, что существуют важные отличия между так называемым "гореванием у детей" и гореванием у взрослых.

Смерть родственника как вмешательство в развитие

Для взрослого смерть близкого родственника часто становится травмирующим событием². Для ребенка смерть близкого родственника, такого как отец или мать, также может стать травмирующим событием, но, что еще более важно, она составляет то, что я описал (1966) как серьезное вмешательство в развитие.

Горевание, сопутствующее утрате объекта во взрослом возрасте, было справедливо охарактеризовано как процесс адаптации (Pollock, 1961). На некоторый период, пока происходит процесс адаптации, все остальное временно приостанавливается до тех пор,

пока горевание не будет завершено и скорбящий взрослый не вернется к нормальной жизни. Но ребенок, в отличие от взрослого, не есть еще "готовый продукт". Он еще не завершил множество процессов, связанных с развитием во всех областях и направлениях - процессов, которые требуют для своего нормального развертывания присутствия того объекта, которого неожиданно не стало. Естественно, при таких обстоятельствах бессмысленно ожидать, что развитие в целом будет остановлено или наступит пауза с тем, чтобы мог произойти процесс горевания, ведущий к адаптации к потере, и нормальная жизнедеятельность сможет возобновиться позже, как это происходит в случае с взрослым человеком. Давление внутренних сил развития препятствует паузе на горевание. Поэтому любое горевание, возможное при таком сложном давлении со стороны развития, должно происходить одновременно с ним и быть подчинено тем потребностям развития, которые соответствуют возрасту ребенка, и эта ситуация осложняется искажениями и влияниями, непосредственно вызванными перенесенной утратой.

Недостаточно принимается во внимание тот факт, что при отсутствии соответствующих объектов (особенно на определенных стадиях), под влиянием процессов развития объекты воссоздаются заново: вызывая их к жизни в фантазиях или приписывая любым подходящим фигурам, наличествующим в окружении те роли, в которых нуждается ребенок на той или иной стадии развития. Отчасти вследствие этой вытекающей из развития потребности нормальный процесс горевания входит в противоречие с постепенным декатексисом утраченного объекта. Таким образом, соответствующие объекты оживляются снова и снова с тем, чтобы удовлетворить требования психического развития. Анна Фрейд и Дороти Берлингейм (1943) описали, как "Наши потерявшие родителей приютские дети ... делают все возможное, чтобы выдумать свои собственные отцовские и материнские фигуры и жить в тесном эмоциональном контакте с ними в своем воображении. Но эти продукты их фантазии, такие необходимые для эмоциональных потребностей детей, не выполняют тех же родительских функций. Они вызываются к жизни тоской ребенка по отсутствующему объекту любви и в этом качестве удовлетворяют его желания. Они являются персонификацией внутренних сил, живущих в ребенке, и, как таковые, свидетельствуют об успешном прохождении стадий развития".

Это не означает, что дети, потерявшие одного или обоих родителей, не изымают некоторую часть катексиса из воспоминаний об этих объектах и не пытаются найти альтернативный или замещающий объект, к которому можно привязать часть этого катексиса. Этому процессу часто мешают внутренние силы, которые воссоздают, иногда в идеализированных формах, отношения с отсутствующим объектом после малейшего разочарования во внешнем мире или в замещающем объекте.

Родителям приходится воспитывать своих детей, налагая ограничения на количество дозволенного удовольствия (инстинктивного и другого), предъявляя различные требования и т.д. Это временами приводит к столкновениям между ребенком и родителями. Именно в эти моменты с готовностью (или с большей легкостью) возникают определенные обстоятельства, которые обычно осложняют или более или менее серьезно подрывают эмоциональное развитие этих несчастных детей. Они могут чувствовать, например, что все эти ограничения налагаются или, что все эти требования предъявляются только потому, что "она" или "он" не есть их настоящие мать или отец, или что все эти "неприятности" случаются из-за того, что их на самом деле не любят, поскольку они не являются их "настоящими" детьми. Их настоящие мать или отец были бы лучшими, более терпимыми и понимающими. Короче говоря, в их психике существует "упрощение" в сторону идеализации умершего родителя и тенденция расщеплять амбивалентные чувства на позитивные, катектирующие идеализированного умершего родителя, и негативные, катектирующие замещающего родителя.

Естественно, этот негативный катексис замещающего родителя окажет влияние на настоящие и будущие отношения между ним и ребенком. Кроме того, эти нежелательные тенденции могут подобным же образом оказать вредное влияние на психологический склад и объектные отношения ребенка в будущем. ³⁾

Еще одним существенным фактором является то, что одно и то же событие, одно и то же вмешательство в развитие может оказывать разное влияние на его ход. Так, например, отсутствие отца приобретет новые значения и получит новую интерпретацию в рамках фаллически-эдиповой фазы (если она уже достигнута), в противоположность фантазиям, сопровождающим отсутствие отца на стадии, когда ребенок начинает ходить.

Таким образом, вмешательства в развитие, имеющие вредоносную природу, могут влиять на возникновение и развитие невротических конфликтов. В случае смерти родителя ребенок вынужден продолжать психологически развиваться в ситуации отсутствия важной фигуры. Это часто ведет к искажениям развития и, по меньшей мере, имеет тенденцию осложнять разрешение многих детских и подростковых конфликтов развития, которые в ином случае являются нормальными и типичными. Таким образом готовится почва для множества невротических конфликтов, отправным пунктом для которых является несоответствующее разрешение конфликтов развития. Мы лишь должны принимать во внимание, что, например, ребенок, потерявший мать или отца во время фаллически-эдиповой фазы или непосредственно перед ее началом, столкнется с трудностями в своих попытках разрешить нормативный для этого периода развития конфликт. Мейсс (1952) описал некоторые из этих трудностей.

Естественно, характер потребности ребенка в родителях различна на разных фазах развития. Совершенно очевидно влияние потери матери на ранних стадиях. Это не так в случае с отцом, кроме как в той степени, в какой горе и страдание матери влияют на ее отношения с ребенком. Тем не менее, смерть отца и, как результат, его отсутствие станут по праву значимыми позже, когда ему нужно будет сыграть множество ролей в развитии ребенка, назначенных ему природой, а его не будет рядом.

Наконец, на мой взгляд, одно из самых важных отличий между реакциями горя у детей и у взрослых состоит в том, что ребенок часто реагирует на смерть первичного объекта аномальными проявлениями, во многих случаях очень напоминающими манифестации, которые можно наблюдать при невротическом конфликте или собственно неврозе. Другими словами, они реагируют тревогой, многочисленными формами регрессии в области влечений, порой в форме отказа от определенных достижений эго и отклонениями в поведении. Хотя ребенок, вообще говоря, совершенно неспособен к длительной и непрерывной реакции горя, которая наблюдается у взрослых, он часто вместо этого развивает симптомы совершенно иной природы. Они демонстрируют особую ситуацию стресса развития, в котором находится ребенок. Боннард (1961) привел примеры детей, которые реагировали на смерть родителя прогулами и воровством. Они искали наказания, чувствуя вину за смерть родителя. В нормальном взрослом горевании такая реакция обычно не наблюдается.

Таким образом, представляется разумным заключить, что смерть значимых объектов сама по себе приводит к серьезному срыву процесса развития, не говоря уже об особом значении, которое это событие может иметь для ребенка в соответствии с его возрастом, качеством отношений, тяжестью травмы, особыми обстоятельствами, сопутствовавшими смерти, реакциями на это событие со стороны оставшихся в живых значимых членов семьи, возможными переменами к худшему в жизненных обстоятельствах ребенка.

Реакции младенцев на утрату

Много факторов способствуют возникновению специфических форм "реакции горя", наблюдаемых у детей после потери значимого объекта. Они варьируются, как я указывал ранее, в зависимости от уровня развития различных областей личности ребенка. Именно по этим причинам я ставлю под вопрос обоснованность некоторых сравнений, проводимых между гореванием у взрослых и детей. При этом время от времени проявляется тенденция неправильно истолковывать эту внешнюю похожесть как тождественное, или предполагать, что под этим поверхностным сходством лежат одинаковые метапсихологические процессы.

Развитие объектных отношений

Чтобы понять реакции детей на утрату, необходимо понимать роль объекта на разных стадиях физического, психического и эмоционального развития ребенка. Точно определив функции объекта и его вклад в нормальное психологическое развитие, мы сможем выяснить, каким искажениям может быть подвергнуто развитие ребенка в случае отсутствия объекта. ⁴⁾

Многие реакции, наблюдаемые у детей, следует понимать как результат отсутствия одного из необходимых элементов для его нормального развития, и необязательно как горе в ответ на утрату объекта (как это будет в случае со взрослой личностью). Короче говоря, в случае, когда ребенок демонстрирует явные признаки горя в ответ на утрату, мы должны различать реакции, которые являются результатом нарушений развития, вызванных утратой объекта, и "истинные реакции горя". Похоже, в настоящее время эти два совершенно разных феномена часто смешиваются. Кроме того, как ясно указала Анна Фрейд (1960), чтобы имела место истинная реакция горевания, эго и объектные отношения должны достигнуть определенного уровня развития.

Утрата на первых неделях жизни

Выяснить, что происходит в психике ребенка легче, когда он способен к вербализации. Труднее установить происходящее на первом году жизни. Любая такая попытка будет экспериментальной и спекулятивной. Помня об этом, давайте зададимся вопросом, что означает понятие "объект" для маленького ребенка.

Многие аналитики придерживаются мнения, что объект не существует изначально в психической жизни ребенка. Как считает Хоффер, он включен в Я как составная часть или, скорее, как расширение "внутреннего нарциссического окружения", поскольку еще не существует дифференциации Я и объекта. Обычно, когда утрата случается на этой ранней стадии, замещающий объект берет на себя функцию заботы, и, если замещающий объект оказывается подходящим, временное отсутствие равновесия устраняется. Когда нет подходящего замещающего ухода, как, например, в случае с младенцами, живущими в детском учреждении, мы знаем, что многие составляющие "хорошего материнства" для них отсутствуют, хотя их физическим потребностям может уделяться должное внимание. Нам также известно, что развитие таких младенцев подвержено различным лишениям из-за отсутствия соответствующей стимуляции.

Таким образом, присутствие матери необходимо для нормального развития эго. Ее отсутствие по причине смерти или в случае оставления ребенка - вмешательство в развитие, оказывающее влияние на ряд сфер и осложняя развитие объектных отношений. У детей, растущих в детских учреждениях, дистанция между качеством "идеальной

материнской заботы" (получаемой детьми, растущими рядом со своими матерями) и качеством "замещающей заботы" (предлагаемой детским учреждением) прямо пропорциональна наблюдаемому отставанию в развитии и нарушениям. В нашей культуре часто кто-либо из ближайших родственников берет на себя функцию материнского ухода. В таком случае ребенок может проявить признаки дистресса, связанного со сменой объекта, но, похоже, что по крайней мере в течение первых недель жизни заместитель через некоторое время принимается с большей или меньшей готовностью. (Anna Freud, 1952). Признаки дистресса, вероятно, бывают вызваны тем, что ребенок воспринимает качественную разницу в обращении, общем уходе и сенсорном опыте, связанным с "замещающей материнской фигурой". Реакция ребенка основывается не на осведомленности об исчезновении родной матери как объекта, а на восприятии качественной перемены в его сенсорном опыте. Как если бы перемена произошла в какой-то части внутреннего нарциссического окружения ребенка - которую (или расширение которой) мы позже назовем его Я, и которая на этой стадии недифференцированности (Я-объект) все еще слита с матерью.

Утрата после второго или третьего месяца жизни

На этой более поздней стадии объект приобретает собственную психическую репрезентацию в психике ребенка в качестве "частичного" объекта, как считает Мелани Кляйн, или как объект, удовлетворяющий потребности, как считают Хартманн (1952) и Анна Фрейд (1952). Объект теперь оценивается на основании того, как он выполняет свою роль существа, удовлетворяющего потребности. Важны именно эти функции удовлетворения потребностей, выполняемые объектом, а не объект сам по себе. Если во время этой стадии объект утрачивается или заменяется, ребенок реагирует более или менее заметным дистрессом - реакция, которая вероятно все еще обуславливается явным предпочтением хорошо знакомого и известного, которое теперь отсутствует. Хотя потребности ребенка могут быть удовлетворены замещающим объектом, это - новый, незнакомый объект. Существенная разница между первыми неделями жизни и этой стадией состоит в том, что объект теперь получил собственную психическую репрезентацию, пусть лишь как "частичный" объект. Тем не менее, он стал чем-то независимым. Именно в это время объект также начинает ассоциироваться с существом, вызывающим особый сенсорный опыт. Таким образом, ребенок на стадии удовлетворения потребностей замечает не только качественные изменения в сенсорном опыте удовлетворения (как это было в более раннем возрасте), но и связывает это изменение со сменой объекта. Понемногу он становится более способным различать и распознавать такие вещи, как разница в мышечном тоне, тепло кожи, высота голоса и ритм дыхания.

Утрата во второй половине первого года жизни и далее

По мере дальнейшего развития объект начинает оцениваться вне связи с его функциями удовлетворения потребностей. К концу первого или началу второго года жизни ребенок достигает стадии постоянства объекта (Anna Freud, 1952). Если в этот момент объект неожиданно исчезает, дистресс у ребенка обусловлен новым типом катексиса, который обладает особым качеством, большим постоянством и более не привязывается автоматически к замещающим объектам, даже если ребенок принимает их заботу. Пример, цитированный Боулби (1960) из книги Анны Фрейд и Дороти Берлингем "Младенцы, лишенные семьи" иллюстрирует эту мысль. В нем говорится о семнадцатимесячной девочке, которая после сепарации с матерью три дня говорила только "Мама, мама, мама" и которая, хотя и любила сидеть на коленях у няни, когда та обнимала ее рукой, все это время настойчиво поворачивалась к ней спиной, чтобы ее не видеть.

Строго говоря, только в тот момент, когда установилась константность объекта, природа и качество катексиса, направленного на объект, могут быть, по крайней мере элементарным образом, сравнены с уровнем, природой и качеством объектного катексиса нормального взрослого. Именно этот особый способ катектирования обуславливает сильное страдание, наблюдаемое при утрате объекта. Именно этот катексис должен быть изъят из бесчисленных воспоминаний об утраченном объекте и стать доступным для катектирования новых объектов. То, что качество катексиса и уровень объектных отношений в этот период являются особыми, сильно отличающимися от катексиса и объектных отношений на ранней стадии удовлетворения потребностей, частично объясняется дальнейшим развитием эго, которое позволяет лучше различать качества объекта и более четко отделять Я и объект.

Поэтому, на мой взгляд, только со стадии постоянства объекта и далее существуют условия в плане объектных отношений, которые позволяют наблюдать у детей некоторые аспекты горевания как реакции на утрату объекта, имеющей психологическое значение. В этом отношении здесь много сходства со взрослой реакцией горя с явными признаками трех фаз, описанных Боулби (1961a), т.е. протеста, отчаяния и отрицания. Внешне похожая реакция у гораздо более маленьких детей имеет в основании совершенно другие причины и механизмы, как я попытался показать.

Таким образом, когда установилась фаза постоянства объекта, появляется общий знаменатель, который сохраняется на протяжении всей жизни. Тем не менее, ошибкой было бы ожидать, что с этого момента реакции детей на смерть будут такими же как реакции взрослых. Целый ряд факторов, которые будут рассмотрены ниже, определяют множество вариантов реакций, наблюдаемых в разных возрастных этапах.

Низкая толерантность к острой боли

Человеческие существа обычно обладают ограниченной способностью выносить острую боль, а у детей эта способность еще ниже. Вольфенштейн упоминала "краткий период грусти, обычный для детей". Этот краткий период грусти (который можно рассматривать под другим углом как большую гибкость и подвижность внимания и интересов у ребенка, основанные на его сильном любопытстве и энергии) можно наблюдать в разнообразных формах. Вольфенштейн (1965) описывала, как дети в возрасте от латентного до подросткового не могут долго выносить сильное страдание и быстро развивают противоположные мысли и чувства (по нашим наблюдениям, это еще более справедливо по отношению к детям прелатентного возраста). По ее словам, "они кажутся неспособными поддерживать процесс длительного горевания, что мы наблюдаем у взрослых". Далее она приводит пример детей в возрасте девяти и десяти лет, которые плакали, услышав новость об убийстве Кеннеди и, тем не менее, не могли понять, почему их родители отказываются в этот вечер от ранее запланированного похода в кино, или проявляли нетерпение, не находя телевизионных программ, которые они обычно смотрели.

Я наблюдал подобное у троих детей (в возрасте от четырех с половиной до тринадцати лет) в связи со смертью их дедушки, жившего в их доме на протяжении трех лет. Хотя все трое детей были, несомненно, расстроены, мальчик четырех с половиной лет у на следующий день утром как обычно попытался слушать музыку по радио. Он согласился с объяснением, что остальные члены семьи все еще очень опечалены и, что ему не стоит включать радио. ⁵¹ Было очевидно, что в последующие дни (до дня похорон) у него часто возникал соблазн включить радио или телевизор. Время от времени он включал и

выключал его, говоря окружающим, что радио не должно играть, потому что дедушка умер.⁶¹

Двое других детей, двенадцати и тринадцати лет, в разное время проявили явные признаки некоторой печали, а также большую эмпатию к очевидной боли, переживаемой их бабушкой. Несомненно, им хотелось бы посмотреть свои любимые телепрограммы, но они не делали этого из сопереживания взрослым. Знание о том, что они снова смогут смотреть телевизор на следующий день после похорон, также помогало им контролировать свое желание.

Такой тип поведения, по моему опыту, является вполне обычным вплоть до подросткового возраста и во время него. Это нельзя толковать как полное отсутствие у детей скорби по утраченным объектам или отсутствие некоторого аспекта горевания; но это иллюстрирует мысль Вольфенштейн о том, что дети не способны поддерживать процесс длительного (и непрерывного) горевания, как это делают взрослые. Как она указывает (1966), "Разные, в соответствии с возрастом, способы реагирования на утрату часто ведут к конфликтам и недоразумениям в семье. Взрослый ... не может понять кажущееся отсутствие чувств у ребенка. Мать, оплакивающая умершего отца, укоряет ребенка, страдающего от сдерживания аффекта, за то, что глаза его остаются сухими".

Утрата объекта, сопряженная с сепарацией от других знакомых объектов и окружения

Благодаря наблюдениям Анны Фрейд, Дороти Берлингем, Дж.Робертсона, Шпица, Боулби и других нам известно много трогательных примеров сильных и более затяжных реакций на утрату объекта по причине госпитализации ребенка или матери или из-за отсутствия матери по другим причинам. Но мне кажется, что есть существенная разница между этой группой детей и теми детьми, которые остались в знакомой среде своего дома, в своих комнатах и со своими вещами. Они также сохранили связи с другими знакомыми объектами, даже если эти объекты с точки зрения психической экономии ребенка менее важны, чем утраченный объект. Наблюдения за детьми, упоминавшиеся разными авторами, касались как раз тех детей, которые не только пережили значимую потерю объекта, но и в то же время оказались в незнакомой среде, с чужими людьми, и в некоторых случаях подверглись дополнительному стрессу, связанному с больничными процедурами и медицинскими манипуляциями²¹. Я полагаю, что у нас есть тенденция недооценивать огромную важность постоянства перцептивного опыта и среды для человеческого существа и особенно для ребенка. Знакомое окружение и объекты, знакомые вещи (комната, игрушки и т.д.), знакомые звуки важны для нашего благополучия.

В Хэмпстеде мы видели много маленьких детей, которые остро реагировали на изменения в окружении, например, во время праздников. Хотя они оставались со своими родителями и другими родственниками, казалось, что эти ситуации подчас вызывают беспокойство. Похожий дистресс можно часто наблюдать у очень маленьких детей, когда их переносят в другую комнату, в другую люльку или кровать. Естественно, реакции детей в этом отношении варьируют в зависимости от возраста и особенностей их склада.

Я полагаю, что некоторые различия между реакциями этих двух групп детей (т.е. детей, разлученных с домом и знакомым окружением, и детей, находящихся дома) на утрату объекта можно отчасти объяснить вышеупомянутыми факторами.

Отрицание как реакция на утрату

Для маленького ребенка является естественным и нормальным избыточное использование определенных примитивных защит, таких как различные формы отрицания (на словах, в действиях, в фантазиях или аффектах). Этот фактор сам по себе способствует тому, что процесс горевания у ребенка становится чем-то отличным от процесса у взрослого. Как мы знаем, дети практически до латентного возраста очень легко находят ресурс для отрицания, особенно в травмирующих или стрессовых ситуациях. Низкая толерантность маленьких детей к психической боли делает отрицание предпочитаемой защитой. ⁸⁾ Если отрицание становится основной реакцией ребенка на утрату, дальнейшее влияние отрицания на его развитие в большой степени будет определяться тем, как с этим обходится окружение. Нам известно, например, как часто взрослые хотят "пощадить" ребенка и скрывают от него важные факты или, будучи неспособными выносить свою собственную печаль, запрещают ребенку упоминать о тягостном событии.

Еще одним важным фактором является то, какой элемент опыта отрицается - например, само событие или связанный с ним аффект. Если отрицается первое, это предполагает некоторое понимание реальности, которое, конечно, является функцией, связанной с возрастом ребенка.

Тестирование реальности, чувство реальности, адаптация к реальности и реакция на утрату

Анна Фрейд (1960) и другие подчеркивали, как важно соотносить реакцию ребенка на утрату и его чувство реальности. Например, нам известно, что, по крайней мере, в начале второго года жизни многие дети еще не способны отличать сны от реальности. Как следствие, ребенок трактует события, происходящие во сне, как часть реальности, в результате чего оказывается совершенно сбит с толку (Nagera, 1966b). Мы не знаем, каковы будут последствия для дальнейшего развития ребенка, если утраченная мать вновь появляется в его снах (что обычно происходит); или каким образом это повлияет на его понимание утраты и на процесс изъятия катексиса из объекта. Естественно, таких проблем нет у детей более старшего возраста с установившимся тестированием реальности и со способностью проводить четкое различие между внутренним опытом и внешним миром.

Но даже у более старших детей мы видим трудности, которые, как кажется, связаны с ограниченной способностью ребенка до конца понять умом сущность, значение и необратимость смерти. Фрейд в сноске, добавленной в 1909 году к "Толкованию сновидений" (1900) приводит замечание, сделанное одним очень смышленным десятилетним мальчиком после внезапной смерти его отца: "Я знаю, что папа умер, но я не пойму, почему он не приходит домой ужинать". Недавно я имел возможность наблюдать реакцию четырехлетней девочки на внезапную смерть отца. Мать, естественно, очень страдала и в течение нескольких дней была совершенно не способна сказать детям о его смерти. Когда она рассказала, маленькие девочки, казалось, поняли и приняли причину его отсутствия. Тем не менее, несколько месяцев спустя в свой день рождения девочка сильно прореагировала на тот факт, что отец не пришел на ее праздник и не прислал ей никаких подарков. Она очень рассердилась и горько плакала, не понимая, почему отец был так невнимателен.

Чтобы понять ее реакцию в тот момент, уместно будет посмотреть, каким образом ей объяснили смерть ее отца. Малышка ходила в воскресную школу, где ей говорили, что когда хорошие люди умирают, они отправляются на небо к Богу. Поэтому ей было сказано, что отец сильно болел, умер и отправился на небо. Человек, посоветовавший матери действовать таким образом, руководствовался рядом соображений. Во-первых, детям обязательно нужно рассказывать о происшедшем, и необходимо было преодолеть

колебания матери в этом отношении. Казалось, она была согласна сообщить детям о событии таким особым способом, и не желала делать это, по ее словам, "более грубо". Во-вторых, им нужно сообщать эту новость настолько можно менее травмирующим образом. В третьих, им нужно говорить, насколько возможно, уже знакомыми им словами, чтобы они смогли понять, хотя бы частично, значение и важность происшедшего.

Тем не менее, справедливо будет сказать, что информация, переданная этой четырехлетней девочке, сама по себе была искусным образцом отрицания. Рассказанная история выражает идею, что отец изменил свое физическое местонахождение, он на небесах, а не то, что его больше нет. Этот культуральный образец лжи носит почти универсальный характер. Религиозные и духовные верования основаны на существовании загробной жизни. Сам этот факт указывает на тяжелые эмоции, с которыми сталкивается человеческий разум, справляясь с феноменом смерти, и на определенную неспособность или сопротивление к пониманию и принятию ее необратимости. Может быть, это можно понять, принимая во внимание те элементы нарциссизма и всемогущества, которые проистекают из более ранних стадий развития, продолжающих существовать у взрослого и работают против принятия окончательного и полного разрушения Я. Хорошо видно, насколько труднее должно быть ребенку прийти в согласие с этими фактами. Кроме того, на определенной стадии все дети верят во всемогущество взрослого мира, и особенно мира их родителей - убеждение, обратное идее уничтожения родителей. Это объясняет, почему Питер (четыре с половиной лет), ребенок из Хэмпстедского военного приюта, услышав о том, что его отца убили, и что он не сможет больше прийти, сказал: "Я хочу, чтобы он пришел. Мой папа большой, он все может".

Трудно сказать, сколько четырехлетняя девочка, о которой говорилось выше, поняла бы, если бы ей преподнесли простые факты, или что бы она с ними сделала. Мы знаем, что излишек информации, касающейся определенных областей, например, сексуальной сферы, или информация, выраженная в терминах, которые это неспособно понять, подчас производит на ребенка травматический эффект. В других случаях, когда информация недоступна пониманию ребенка и находится вне сферы его опыта, он просто игнорирует ее и продолжает строить фантазии, содержание которых отчасти определяется фазой развития влечений, на которой находится ребенок, и отчасти способностью его это организовать данные наблюдений и опыта в набор осмысленных теорий (см. Freud, 1907).

Мыслительные процессы и реакции на утрату у ребенка

Способность к абстрактному мышлению приобретает медленно и очень постепенно. Мыслительные процессы маленького ребенка носят конкретный характер. Более того, даже если ребенок достиг удовлетворительного уровня абстрактного мышления, в нем все еще могут быть лакуны, в которых по ряду причин (нередко невротического характера) мышление и суждение остаются очень конкретными. В ситуациях невротического конфликта, стресса, под влиянием тревоги маленькие дети склонны возвращаться к конкретным формам мышления. Барнс (1964) описал много случаев конкретизации мыслительных процессов у четырехлетней девочки и их влияние на ее реакцию. Так, например, девочка не хотела надевать платье, которое она раньше любила, после того как ее маленькие кузины стали настойчиво утверждать, что ее умершая мама теперь стала небесным ангелом. Платье было куплено матерью и на языке продавцов называлось "костюм ангелочка". Как считает Барнс, тревога, вызванная синонимичностью ангелов и смерти, заставила ребенка отказаться носить платье. Похожим образом девочка не желала спать в тихий час в детском саду и предпочитала сидеть на коленях у воспитательницы. В конце концов, она объяснила: "Захочешь проснуться, и не сможешь" - ограничение, которое она связывала с "мертвым" состоянием и особенно со смертью матери.

Еще одна характеристика мыслительных процессов у детей - открытый эгоцентризм, при котором ребенок стремится оценивать каждое событие с точки зрения влияния, которое оно может на него оказать. Несколько позже, когда эгоцентризм, типичный для ребенка, начинающего ходить, несколько снизится, возросшее психологическое знание ребенка о своей беспомощности и зависимости от объектного мира приводит к некоторым результатам.

Анна Фрейд и Дороти Берлингейм (1943) приводили много примеров сирот из Хэмпстедского военного приюта, которые на соответствующей стадии развития (фаллически-эдипова фаза) говорили о своих умерших родителях, как если бы те были живы, или, уяснив факт смерти, пытались отрицать его посредством фантазий об их новом рождении или возвращении с небес. "В некоторых случаях это происходит под прямым влиянием матерей, которые, чтобы избавить ребенка от боли, скрывают от него правду; в других случаях фантазии такой же природы являются спонтанной продукцией ребенка." (курсив мой). Авторы далее комментируют: "Визиты со стороны умерших отцов, если хотите, упоминаются чаще, чем визиты обыкновенных живых отцов".

Форма, в которой дети выражают свое желание того, чтобы их отцы вернулись, может быть понята как отрицание смерти, но нужно принимать во внимание ряд других важных факторов. В примере, цитированном Анной Фрейд и Дороти Берлингейм, некоторые дети были не способны понять всю многозначительность и смысл смерти. Чтобы наделить ее каким-то значением, они использовали модели, основанные на их предшествующем опыте и знаниях. Например, для Сюзанны четырех с половиной лет "умерший" означает ушедший, "уехавший далеко в Шотландию", что не исключает возможности последующего возвращения. Различные фантазии (возможно, правильнее было бы сказать - теории), которые она проговорила, отчасти можно понимать как попытки понять факты.

Так, Сюзанна, должно быть, слышала, что есть армия, где находятся папы-солдаты, и что эта армия далеко. Следовательно, ее надежда на возвращение отца выразилась в фантазии о том, что ее папа (служивший на флоте) был в армии, которая была слишком далеко, чтобы он мог вернуться. Когда она думала о нем как об ушедшем вместе с флотом, она делала логическое заключение о том, что он не может вернуться "потому что воды слишком много".

Поэтому детские мыслительные процессы, хотя и тяготеют к конкретности и эгоцентризму, не являются нелогичными в плане фактического знания в других отношениях, как показывают следующие иллюстрации.

Фрейд в сноске, добавленной им в 1919 году к "Толкованию сновидений" (1900) упоминает наблюдения за очень умной четырехлетней девочкой, которая в отличие от Сюзанны различала понятия "уйти" и "умереть". "Девочка вела себя очень беспокойно во время еды и заметила, что одна из горничных пансиона, в котором они жили, смотрит на нее с неодобрением. "Я хотела бы, чтобы Джозефина умерла." ... "Почему умерла?" - успокаивающе спросил отец - "Недостаточно будет, если она уйдет?" "Нет, - ответил ребенок, - тогда она снова вернется."

Для Берти, другого ребенка из Хэмпстедского военного приюта, смерть означала, что отца разорвало на кусочки. Зная, что разбитые объекты можно починить, и веря в то, что ему сказали (что Бог может сделать все, что захочет) он прямо спросил, что мешает Богу собрать отца. Опять-таки, на основании фактической информации, которая была у него касательно дефицита или полного отсутствия многих вещей по причине войны, он далее

заклучил: "Мы должны подождать, пока закончится война, тогда Бог сможет складывать людей".

Все эти примеры ясно показывают, до какой степени мыслительные процессы ребенка (адекватные возрасту) влияют на его понимание смерти и реакцию на нее. Очевидно, что он прилагает усилия к тому, чтобы истолковать эти болезненные события на основе своих предыдущих знаний. Это не его вина, что мир взрослых дает ему огромное количество искаженной и обманчивой информации.⁹⁾ Его попытки совладания могут основываться только на этой информации. С другой стороны, его потребности и желания могут временами искажать и перевешивать фактическое знание (как я показал в части, посвященной отрицанию).

Амбивалентность и реакция на утрату

Фрейд (1917) и Элен Дойч (1937) указывали, что наличие сильных амбивалентных чувств ведет к более интенсивной, чрезмерной или отложенной форме горевания у взрослого. Нам известно, что у детей, и особенно у маленьких детей, наличие сильных амбивалентных чувств по отношению к объектному миру является правилом, но мы очень мало знаем о том, как этот фактор влияет на процесс горевания у маленького ребенка.

Вернувшись к элементу объектных отношений - теме, с которой я начал обсуждение - я продолжу обсуждение вопросов, касающихся развития.

Реакции на утрату детей старшего возраста

Латентный период

Многие факторы, игравшие роль в реакции детей более раннего возраста на смерть близкого родственника, все еще действуют, хотя и в измененном виде, в латентном периоде. Всегда важно, особенно в отношении латентного периода, проводить четкое различие между двумя разными аспектами процесса горевания. Первый связан с вопросом: до какой степени человек способен переживать и выражать чувство потери и проистекающие из него признаки горя и печали? Второй касается постепенного изъятия катексиса, прежде направленного на утраченный объект, с тем, чтобы высвобожденная энергия стала доступной для катексиса нового объекта. Я полагаю последний процесс более легким для взрослого, чем для ребенка. Полное изъятие катексиса из утраченного объекта оставит ребенка в развитии вакууме, если только не будет легко найден замещающий объект. Его эмоциональное развитие требует существования, например, материнской фигуры, и ее физическая смерть ни коим образом не меняет этого факта и не может вести к тому типу декатексиса, который можно наблюдать в случае со взрослым. У ребенка в латентном периоде императивы развития будут требовать сохранить ее "живой", несмотря на имеющееся у эго знание о реальности смерти и необратимом исчезновении объекта.

Как в норме ребенок латентного возраста обходится с этими двумя компонентами горя? Большая часть наблюдений показывает, что дети латентного возраста обращаются с вызванными смертью серьезными утратами с помощью массивного отрицания, включая отрицание аффекта, и нередко с помощью обращения аффекта в его противоположность. Такая ситуация, похоже, поддерживается или поощряется существующим в культуре отношением к смерти.

Исходя из имеющихся знаний мы полагаем, что для дальнейшего здорового развития латентного ребенка будет лучше, если мы сможем в соответствующих пределах выражать и переживать боль, печаль, гнев и другие чувства и конфликты, связанные с утратой.

Некоторые авторы (напр. Shambaugh, 1961; Furman, 1964b) полагают, что дети этой возрастной группы могут с пользой переживать и выражать чувства, сопровождающие утрату объекта, если аналитик поможет в этом. При этом многие неразрешенные конфликты, касающиеся утраченного объекта, становятся доступными для проработки и возможные препятствия к дальнейшему нормальному развитию могут быть таким образом устранены. Но свидетельства на этот счет еще весьма ограничены.

Что касается второго и самого важного аспекта горевания у взрослых, то есть медленного декатексиса утраченного объекта, факты, похоже, указывают на то, что латентный ребенок сильно катектирует фантазийную жизнь, в которой утраченный объект может видеться живым и порой идеальным¹⁰.

Естественно, фантазийный объект не является подходящим заместителем отсутствующего родителя, но он вполне может стать неизбежной альтернативой, особенно если подходящие заместители не могут быть легко доступны ребенку. Существуют также свидетельства, показывающие, как ребенок совершает одновременные попытки катектировать и наделять материнской ролью определенные реальные объекты (например, учителей или, в случае прохождения детского психоанализа, своих терапевтов), особенно если им пол благоприятствует такому смещению. К сожалению, ни учителя, ни терапевты не могут играть эту роль соответствующим образом. Более того, в случаях, когда в жизнь ребенка вводится замещающая мать и повторный брак отца восстанавливает семейную организацию, мы можем очень быстро увидеть процесс разочарования в новом объекте, которое лишь отчасти зависит от способности объекта играть замещающую материнскую роль. Этот беспорядок в катексисе объектов, возможно, нужно рассматривать как одно из неизбежных последствий утраты объекта, по крайней мере, когда это происходит в определенные моменты жизни. Тем не менее, нужно иметь в виду, что некоторые дети более способны, по сравнению с другими, находить наиболее адаптивные решения в этих трудных ситуациях.

Хотя явное, поверхностное поведение латентных детей, похоже, более или менее полно отрицает важность перенесенной утраты, внутренняя жизнь ребенка может претерпевать значительные изменения, которые могут серьезно повлиять на его дальнейшее развитие. В этой возрастной группе часто нет видимого горя или печали вскоре после события (хотя изредка можно увидеть немедленную и мимолетную печаль). На переднем плане часто можно наблюдать не только отрицание, но также и реверсию аффекта. Типичным является описание Шамбау (1961) его пациента Генри: "Я был потрясен его аффектом. Он не был похож на мальчика, перенесшего утрату. Наоборот, на первые сессии он приходил как будто бы полный энергии. Он был гиперактивен и весел, иногда даже до степени эйфории. Во время сессий Генри не говорил о своем доме или о смерти матери. Когда наложенная цензура подвергалась угрозе, он реагировал тревогой и гневом и однажды кинулся бежать из кабинета, когда аналитик упомянул о смерти матери.

Тем не менее, как указывает Шамбау, опытный наблюдатель может обнаружить за этим фасадом множество зловещих признаков. Наш опыт в Хэмпстеде подтверждает, что латентные дети часто реагируют таким образом на смерть значимого объекта. Они могут не демонстрировать многих явных признаков горя, но более тщательное обследование предоставляет важные свидетельства серьезных нарушений, расстройств поведения и формирования симптомов¹¹.

Подростковый период

Нет сомнений в том, что к наступлению подростковой фазы все факторы, называвшиеся разными авторами как необходимые предпосылки горевания у взрослого, заложены. Уровень развития эго у подростка таков, что он может уяснить весь смысл и необратимость смерти. Его тестирование реальности твердо установилось. Его чувство реальности и способность адаптироваться к ней существенно развиты. Тем не менее, подростков пугает тот тип горевания, который бывает у взрослых. Их внешнее поведение и реакция на утрату значительно отличаются от поведения и реакций скорбящего взрослого. И все же утрата сильно влияет на них; их реакции могут быть очень сильными.

Как нам тогда объяснить разницу между гореванием у взрослого и у подростка? Важным отличием, на мой взгляд, является то, что подросток, как указывает Вольфенштейн, еще привязан к своим инфантильным образам, в основном (и в особенности) к родителям. Его психическое и эмоциональное развитие еще не завершилось. Их присутствие необходимо для нормального протекания его развития вплоть до завершения. Как и у маленького ребенка, внезапная утрата такого объекта в результате смерти создает такую же ситуацию стресса развития, которую я охарактеризовал выше как вмешательство в развитие.

Подростки так же склонны декатектировать образ утраченного объекта, испытывая определенные потребности развития, как это было в случае с маленьким ребенком. Как считает Вольфенштейн (1966), "Вместо декатексиса утраченного объекта любви, который происходит при горевании, дети и подростки имеют тенденцию развивать гиперкатексис утраченного объекта." По ее словам, "в подростковом возрасте фантазии о возвращении родителя или более ясно осознаются, или допускаются легче, чем в более раннем возрасте." Как она отмечала в 1965 году, "Смерть родителя застаёт подростка далеко еще не готовым расстаться с ним. В то же время конфликтные чувства по отношению к родителю будут в дальнейшем мешать переживанию подлинного сожаления и печали"

Вольфенштейн (1966) и Лауфер (1966) живо описали реакции девочки и мальчика подросткового возраста на смерть их матерей. Есть много похожего в реакциях этих двух подростков на утрату. С целью иллюстрации я выберу из случая Вольфенштейн некоторые специфические аспекты реакции этой девочки.

Типичное описание того, как Рут вскоре после похорон матери обнаружила, что она не может больше плакать. "Она ощущала внутреннюю пустоту, и как будто стеклянная стена отделяла ее от происходящего вокруг. Она мучилась из-за этого отсутствия аффектов, и впоследствии испытала облегчение, когда, обмениваясь впечатлениями с подругой, у которой несколько раньше умер отец, она узнала, что у другой девочки была похожая реакция."

Опять-таки достаточно типично, что после события Рут приходила на сессии в приподнятом настроении. "Она написала удачную юмореску, в которой она поздравляла себя.... (Она) дальше подробно описывала разные затруднительные ситуации, в которые она попала, придавая им комический эффект."

У нее проявилась та же тенденция, что и у пациента Лофера: отделять свои чувства печали и отчаяния от мыслей о смерти матери. Любые такие связи, которые устанавливали терапевты, если и принимались умом, то вытеснялись борьбой за более приятное настроение. Сходным образом они открыто или завуалированно поддерживали очевидное отрицание необратимости утраты.

Клинические иллюстрации

Реакция на утрату у маленького ребенка

Первый пример демонстрирует реакцию нормального мальчика четырех лет и восьми месяцев на смерть дедушки по линии матери. Этот пример значительно отличается от всех остальных, возможно потому, что утраченный объект не был первичным. У ребенка были очень близкие отношения с дедушкой - его любимым партнером по играм - но дедушка никогда не был впутан в процесс фаллически-эдипального развития мальчика, которое проживалось с его настоящими отцом и матерью как объектами этой борьбы. Кроме того, отношения с дедушкой были свободны от негативных и конфликтных элементов, что было бы маловероятно в случае с сиблингом. Этот пример демонстрирует не только трудности, с которыми ребенок этого возраста постигает феномен смерти, но также и влияние, которое это оказывает на его фаллически-эдипальную борьбу с его настоящими родителями.

П. был хорошо развитый, милый ребенок, чьим характерным подходом к жизни было постигать все умом. Он обычно очень старался понять то, с чем ему приходилось сталкиваться. Это отношение распространялось также и на ситуации и события, вызывающие тревогу. До смерти дедушки у П. были некоторые контакты со смертью и связанный с ней опыт. Семья жила недалеко от крематория, и П. часто наблюдал за похоронными процессиями и слушал, как его старшие сиблинги их обсуждают. Это стимулировало его любопытство в раннем возрасте, и поэтому он задавал много вопросов о смерти.

Его более непосредственный опыт, относящийся к смерти, был связан с животными, птицами или рыбами. Например, на него произвел сильное впечатление инцидент, произошедший, когда ему было три года. Его сиблинги держали рыбок в аквариуме. Однажды П. услышал, как они говорили, что аквариум грязный и вода плохо пахнет, и тогда он всыпал в аквариум стирального порошка и подлил одеколона, в результате чего (неожиданно для него) все рыбки умерли. Его сиблинги, которые были страшно расстроены, обвинили его в том, что он убил рыбок. Он был озадачен и чувствовал себя виноватым. Вполне понятно, что его намерением было очистить воду в аквариуме, и он даже не подозревал, к чему могут привести его действия.

Он так же со своими старшими братом и сестрой время от времени смотрел по телевизору ковбойские фильмы. Видя то, как в людей стреляют и они падают замертво, он проявлял некоторый интерес и задавал много вопросов. До того, как ему исполнилось три года, он не выносил, когда его брат стрелял в него. Хотя он и любил другие образные ролевые игры, он злился и беспокоился, когда его брат делал вид, что стреляет в него, просил, чтобы в него не стреляли, и отказывался притворяться мертвым. Тем не менее, он стрелял в других и радовался, когда те притворялись мертвыми. Когда П. вступил в эдипову фазу, он больше не возражал против того, чтобы в него стреляли или чтобы ему притворяться мертвым. В то же время у него появилась привычка стрелять в отца со словами: "Ты убит". Не предполагалось, что у ребенка было в этот момент какое-то интеллектуальное понимание смысла смерти, кроме того, что это что-то плохое, что это подразумевает неподвижность, и что он стреляет только в "плохих", во врагов или соперников.

Дедушка с бабушкой переехали в дом к П., когда ему было два года. Между ребенком и дедушкой быстро сложились особые отношения. Каждый день они помногу часов играли вместе, и между ними установилась сильная привязанность. Когда в трехлетнем возрасте

П. стал ходить по утрам в детский сад, по возвращении домой он тут же снова садился играть с бабушкой.

К сожалению, когда П. было три года, у бабушки случился удар, после которого бабушка стала инвалидом. Когда они возобновили свои игры, требования П. порой были бабушке не по силам. Вскоре после приступа у него развилось тяжелое сердечное заболевание, потребовавшее нескольких длительных госпитализаций. Это еще более ослабило его, и они с П. стали играть намного меньше, но некоторая совместная игровая деятельность продолжалась до самого конца.

Несколько длительных госпитализаций в какой-то степени ослабили привязанность, до этого существовавшую у ребенка. П. всегда беспокоился по поводу отсутствия бабушки и очень много говорил о нем. Поскольку после нескольких случаев у семьи были серьезные опасения за жизнь бабушки, детей поставили в известность о возможности его смерти.

В день его смерти, которая произошла внезапно, бабушка в очень плохом самочувствии вернулся с короткой прогулки со своей женой. Он присел на минутку отдохнуть в гостиной, но ему быстро становилось хуже. Мать П. отправила П. вместе с сестрой наверх, объяснив ему, что бабушке плохо и нужно вызвать доктора. Вскоре П. уложили в постель и когда бабушка умер, он уже спал.

На следующее утро П., как обычно, пошел в детский сад, все еще не зная о смерти бабушки. Ближе к полудню мать пришла забрать его и в машине по дороге домой наконец сказала ему.

Мать: П., ты помнишь, вчера к бабушке приходил доктор, потому что ему было очень плохо?

П.: Да.

Мать: Ну, ему становилось все хуже и хуже и еще потому, что он был очень старенький, лекарство, которое ему дали, не помогло, и он умер.

Выражение лица у П. стало очень серьезным и задумчивым. Затем он спросил, как будто для того, чтобы убедиться, правильно ли он расслышал: "Бабушка умер?... Он умер?... Бедный бабушка...". После каждой фразы он делал паузу, во время которой было очевидно, что он напряженно думает. Потом он спросил: "Когда он умер? Он был дома или его увезли в больницу?". Мать объяснила, что он умер дома, что это произошло так быстро, что его не успели отвезти в больницу. Через минуту П. задал вопрос: "А где он был, когда умер?". Мать объяснила, что он находился в гостиной, где П. видел его в последний раз накануне вечером. П. вновь задумался на несколько секунд и опять спросил: "Он сидел или лежал?" Мать объяснила, что сначала он сидел в большом кресле, а позже его перенесли на диван, и там он лежал. Затем П. спросил, разговаривал ли бабушка, когда умирал. Ему было сказано, что бабушка сказала несколько слов прямо перед смертью. П. продолжал: "Он закрыл глаза?" "Да, закрыл", - ответила мать. Он помолчал немного и снова спросил: "И приехал Роллс-Ройс из крематория? Они увезли его в гробу?" Когда на все эти вопросы ему были даны фактические ответы, он продолжил расспрашивать "А как он был, он был одет?". С большим интересом выслушав ответ матери, он продолжал: "Если я открою ему глаза и дотронусь до них, он почувствует? ... Он помнит нашу улицу?" Мать ответила ему как есть. Тогда он сказал: "Сегодня грустный день, потому что он умер, ..." - помолчав еще, он продолжил расспрашивать, все ли члены семьи знают. Он исключил только отца.

В этот момент они приехали домой. П. Сразу же пошел в гостиную и пожелал точно знать, в каком месте сидел дедушка перед тем, как умер. Потом он лег на софу, где умер дедушка, закрыл глаза и сказал: "Давайте представим, что я дедушка и что я умер". Через секунду он встал и пошел наверх в дедушкину комнату, где внимательно все осмотрел, не произнося ни слова.

В течение следующих дней он был слегка взволнован, после чего опять стал таким, как всегда. На протяжении двух-трех дней он говорил с соседскими детьми о смерти дедушки. Когда из-за границы приехал дядя, он сказал, что он знает, почему тот приехал. Когда его спросили почему, он ответил: "Потому что дедушка умер". Как упоминалось ранее, он часто делал комментарии по поводу того, почему им нельзя слушать радио или смотреть телевизор, пока не пройдут похороны.

Спустя день или два после похорон, будучи взволнован по какому-то случаю больше, чем обычно, он сказал отцу: "Хорошо было бы, если бы ты тоже умер, потому что тогда я мог бы хулиганить, как хочу".

Если мы рассмотрим его реакцию вплоть до этого момента, можно сказать, что в своем немедленно последовавшем поведении и вербализациях он проявил печаль: "Бедный дедушка". Смерть не была окружена атмосферой тайны (и семья не пыталась скрыть что-либо от него: на все вопросы, которые он задал, были даны ответы). Он не использовал маниакальные или шутовские защиты, как это часто бывает с маленькими детьми, также не было никаких указаний на попытки отрицания. Кроме того, по своему обыкновению он очень старался понять умом весь подтекст происшедшего и, в некоторой степени, значение смерти, задавая много вопросов. Как и многие дети его возраста, он связывал смерть с безмолвием и неподвижностью. Он также некоторым образом знал, что в смысле исчезновения смерть носит перманентный характер в отличие от предыдущих дедушкиных отсутствий по причине госпитализации. Он сделал смутный вывод, что в этом есть нечто большее, ему неясное, отсюда его вопросы о том, что будет, если он откроет дедушке глаза, или почувствует ли дедушка его прикосновение к ним, или может ли дедушка все еще думать или помнить.

У него не было обычных невротических реакций, - обычно вызываемых конфликтом или чувством вины, - таких, как страх засыпания, боязнь закрывать глаза или отказ входить в комнату, где умер утраченный объект. Наоборот, он был любопытен и задавал вопросы, не выказывая никаких явных страхов, кроме того, что он почувствовал себя дискомфортно, когда притворялся умершим дедушкой, лежа на диване.

В последующие дни и недели во время поездок на машине он время от времени указывал на те места, где они бывали вместе с дедушкой или где, как он знал, бывал дедушка. С другой стороны, сразу же после смерти дедушки П. прекратил свои ранние визиты в комнату дедушки и бабушки, которые он совершал каждое утро, как только просыпался. Они обычно болтали, П. делал вид, что играет на гитаре, и они вместе пели. В другое время дня, которое меньше напоминало этот "особенный" час, П. продолжал заходить к ним в комнату.

Хотя реакция П. на смерть дедушки была на удивление нормальной, тем не менее, она мешала его отношениям с отцом в контексте эдиповой фазы. Начнем с того, что он старался быть ближе к нему и чаще искал его общества как замещающего партнера по играм вместо дедушки, но эдипальное соперничество со стороны П. было явным и порой мешало его способности играть с отцом.

Примерно в это же время отцу нужно было уехать из дома на три недели. Казалось, что П. связывает предстоящее отсутствие отца с предшествовавшими отсутствиями дедушки, вызванными госпитализациями, и с тем фактом, что за этими отсутствиями последовала смерть дедушки. Его непосредственной реакцией, - а он теперь явно переживал сильнейший внутренний стресс, - была попытка убедить отца взять его с собой в эту поездку. Он настойчиво повторял матери и сиблингам, что отец возьмет его с собой, хотя они объяснили ему несколько раз, почему это невозможно. Казалось, он принял эти объяснения. К сожалению, старший брат поддразнивал его, говоря, что П. не поедет, потому что он слишком маленький, но он, О., и Г. поедут. Вера П. была несколько подорвана задиристым и шутливым утверждением брата. Тем не менее, когда это произошло, он смог пойти к отцу и довольно жалостно спросил, правда ли это, что О. и Г. поедут. Когда его успокоили, он вернулся к своему обычному веселому настроению. Однако в то же время он стал уверять отца, как он его любит и льнул к нему больше, чем обычно.

Незадолго до отъезда отца П. услышал о беспорядках, происходивших в городе, в который, как ему было известно, собирался ехать отец. Он очень внимательно слушал все комментарии об этих беспорядках и о планах отца о поездке в этот город. За день или за два до поездки, когда отец собирал вещи, П. сказал: "Папа, ты будь там осторожен. Там убивают людей". В этом сжатом заявлении он смог выразить одновременно и свою любовь и заботу об отце, и желание его смерти.

Во время отсутствия отца ничего особенного не произошло. Однако, со времени возвращения отца, - и это могло быть всего лишь совпадением во времени, - П. проявил сильные признаки отдаления от "эдиповой" матери в сторону других объектов женского пола (таких, как подруги его старшей сестры или другие гости-женщины). Он совершал перед ними фаллически-экзгибиционистские "подвиги", типичные для детей его возраста, и заканчивал обычно заявлением о том, как они ему нравятся и что он женится на них, когда вырастет. Остается только гадать, мог ли этот неожиданный шаг быть вызван его потребностью защитить отца от своей эдиповой враждебности и соперничества после опыта утраты, связанного с дедушкой. Как бы то ни было, остается впечатление, что смерть дедушки значительно усилила эдиповы конфликты П. Если раньше П. стрелял в отца, часто с криком, что тот "убит", то теперь, после реального опыта утраты, его враждебные желания и представления о смерти и соперниках приобрели новое измерение.

П. - пример достаточно нормального ребенка, который, хотя и проявляя признаки напряжения, справился с событием смерти адаптивным способом. Многие дети менее удачливы. Удар по их личностному развитию и усиление конфликтов (связанных с развитием и невротических) будет искажать их дальнейший психологический рост и приведет к серьезной психопатологии, особенно если утраченный объект был первичным.

Реакция на утрату у детей старшего возраста

Б. было пять лет, когда он начал аналитическое лечение. Ему было шесть с половиной, когда его мать прооперировали в связи с раком груди с удалением железы и близлежащих тканей. Ему было семь лет, когда болезнь рецидивировала в форме кожных и легочных метастазов с изменением цвета кожи, затрудненным дыханием и тяжелыми приступами кашля. Ему было семь лет и восемь месяцев, когда его мать умерла. Я сосредоточусь на его поведении в период, предшествовавший смерти матери и его реакции непосредственно после нее (два месяца).

Во время, о котором идет речь, имели место явные свидетельства массивных оральных фиксаций, нарушений в эмоциональной и социальной сфере со смутным страхом подвергнуться нападению. Он был поглощен страхами и мыслями, связанными со смертью, сепарацией и наказанием задолго до того, как обнаружилась серьезная болезнь матери. Мать Б. была осведомлена о природе своей болезни и о грозящей ей смерти (до последних недель, предшествовавших смерти, когда она начала отрицать это). Она обычно помогала Б. отрицать ее предстоящую смерть, когда, как ей казалось, ему это было необходимо. Тем не менее, в другое время она была столь же чуткой, преподнося ему правду в манере, призванной облегчить его тревогу и вероятное чувство вины. На самом деле их отношения в это время были лучше, чем когда-либо ранее. Это, казалось, было вызвано тем, что она теперь скорее включала его в свою жизнь, а не исключала его из нее, как она была склонна делать раньше. Теперь она делала отважную и осознанную попытку помочь ему, желая, чтобы он помнил ее после ее смерти как "хорошую мать".

Аналитический материал в месяцы, предшествовавшие смерти матери, лучше всего можно охарактеризовать как раскачивание между отрицанием и осознанием неизбежности утраты объекта, осознание предстоящей сепарации росло по мере того, как реальность смерти матери становилась все ближе. Например, Б. строил подробные планы того, что они с матерью будут делать, когда ему исполнится десять лет; или он считал, сколько лет будет матери, когда он поступит в колледж и уедет из дома, подготавливаясь к неизбежной сепарации путем проекции ее в будущее.

Когда терапевт обсудил возможность того, что его мать может умереть, даже если врачи будут делать все возможное, чтобы помочь ей, Б. спокойно сказал: "Даже если все умрут, мама и папа, мои дяди и тети, даже вы, это все равно ничего не значит, потому что мы очень богаты и у нас всегда будет достаточно денег ... и мы все равно будем вместе", имея в виду старшего брата.

Б. неожиданно стал интересоваться Богом и открыто заявил о своей вере. Раньше ни он, ни его семья не выказывали никаких религиозных интересов. Он спросил: "Что бы вы больше хотели: чтобы вас любил Бог или чтобы у вас было много друзей? Я хотел бы, чтобы меня любил Бог, потому что Бог все может сделать для тебя... Он даже может оживить тебя, когда ты умрешь." Мотивированный своим желанием восполнить утрату другим людям, пока его мать еще жива, он стал поборником добрых дел. Он идентифицировался с детьми, терпящими лишения, организовав среди своих друзей "клуб помощи" для сбора денег, которые он хотел послать "голодающим и бездомным детям Индии". Он хотел пригласить к себе домой мальчика, только что потерявшего мать, "потому что никто не хочет поговорить с ним о его маме". Таким образом он выражал свое понимание той пустоты, которая была создана его представлением (и представлением других детей) о смерти матери этого мальчика. Б. попросил свою собственную мать купить для этого ребенка подарок, который потом отнес ему домой.

Особое впечатление на Б. произвел Иисус, который "отдал свою жизнь за лодыря, укравшего буханку хлеба... чтобы помочь ему", - добавил он. Можно было догадаться, что его одолевали такие же мысли о матери, когда он рассказывал терапевту об играх, в которые он играл со старшим братом. Они ложились на дороге и в последний момент откатывались в сторону от приближающейся машины (в этом поведении были очевидны контрфобические элементы). Вместо того, чтобы умереть, как его мать, он мог избежать смерти по своей воле. Кроме того, он успокаивал себя, утверждая, что мальчики не умирают от рака груди, потому что у них нет груди. Когда обсуждалась его идентификация с Иисусом, он хотел знать, отдаст ли терапевт все, что у нее есть, "даже вашу жизнь, чтобы маме стало лучше". Терапевт сказала, что не смогла бы сделать это,

даже если бы и захотела, потому что каждый должен прожить свою собственную жизнь, и он тоже. Он погрузился, но со временем ему снова стало лучше.

При взгляде назад на материал и поведение ребенка потрясает то, что Б. начал искать другой объект еще до того, как его мать умерла, и все выраженнее по мере ее отдаления и ухудшения ее физического и психического состояния. Это было наиболее заметно в его отношении к терапевту, которая стала для него более реальным человеком. Он не хотел уходить по окончании сессий, хотя и комментировал: "Ваш следующий пациент пришел." Имея в виду, что терапевт получает деньги за то, что встречается с ним, он интересовался, будет ли она с ним встречаться, "если папа вдруг станет бедным". В другом случае он предложил, чтобы терапевт попросила автограф у знаменитого бейсболиста, добавив: "Вы могли бы сказать, что это для вашего сына ... может быть, тогда он даст его".

Б. стал более активно искать физической близости с терапевтом. Он перебирался на ее сторону стола, и заканчивалось тем, что он сидел у нее на коленях, задавая личные вопросы и заглядывая в ее ящики. Когда его мягко отстраняли, он говорил: "Как бы то ни было, вы не можете жениться на моем папе, вы слишком старая." Он хотел, чтобы терапевт называла его ласкательными именами, но только "не "милый"... потому что так меня называет мама." Он разрешил терапевту называть его вместо этого "Сладкий". Конфликт лояльностей усиливался тем, что с ним обсуждалось состояние матери (когда он не отрицал его); тогда он хотел защитить ее от своего знания об этом. Когда терапевт говорила о различных видах помощи (например, о кислороде), в которых нуждалась мать, и упомянула о своей беседе с ней в тот день, Б. предостерег терапевта, чтобы она не говорила матери об отвращении, которое он испытывает от ее внешнего вида. У нее на щеке появилась темно-багровая сыпь, которую он называл "крокодильей кожей".

В течение недели перед смертью матери Б. очень мало общался с ней. Хотя она находилась дома, ей давали сильнейшие успокоительные, и часто она теряла контакт с реальностью; медсестра, присматривавшая за ней, старалась не пускать детей к ее постели.

За день до смерти ее положили в больницу, в то время, когда Б. был на терапевтической сессии, и терапевт сказала ему о том, что его мать госпитализировали. Б. хотел поговорить с матерью по телефону, и ему это удалось прямо перед тем, как скорая увезла ее из дома. Б. спросил ее, действительно ли она едет в больницу. Он в отчаянии повернулся к терапевту, когда не смог слышать ее слабый голос, и потом пронзительно закричал в трубку, пытаясь докричаться до нее: "Говори громче, я хочу слышать твой голос ... Мамочка, когда ты вернешься домой?" Лицо Б. залилось краской после этого короткого разговора с матерью. Сдерживая слезы, он хотел поиграть во что-нибудь: "Я не хочу говорить о маме." С уверенным видом, едва скрывавшим отчаяние, он повторил слова, которые только что сказала ему мать, что она вернется через несколько дней. После замечания терапевта о том, что этого его маме хотелось бы больше всего - вернуться к своей семье, - Б. начал плакать и, как если бы он был сторонним наблюдателем своей собственной реакции, с изумлением заметил, что это были его первые слезы с тех пор, как он ходит на терапию. Он принял данную терапевтом вербализацию его печали, связанной с пониманием того, что, возможно, его мать не сможет вернуться домой, утвердительно кивнув головой и спросив, почему ей нельзя умереть дома. Терапевт рассказала об особом уходе, в котором она нуждается, о внимании врачей и медсестер, об облегчении боли. Тогда он признался, что слышал, как его мать стонала и плакала по ночам последние две недели, добавив: "Она заразилась от меня простудой ... но я не виноват, Х. заразил меня". Когда терапевт объяснила, что кашель был симптомом ее болезни, Б. вспомнил течение ее

болезни, протез груди, который поначалу так его напугал. Он выразил некоторую озабоченность тем, что он мог заразиться, сказав: "А у меня не будет такая кожа?"

Мать Б. умерла на следующий день рано утром. Когда отец сообщил Б. об этом по его возвращении из школы, первой его реакцией было позвонить всем своим друзьям, чтобы рассказать им об этом. Придя во второй половине дня на терапию, в начале сессии он был возбужден. Казалось, он превращает болезненные аффекты в их противоположность. Он улыбался, хихикал, был гиперактивен и быстро говорил. Все вещи его матери теперь принадлежали ему и брату; "Все ее деньги - наши ... ее одежда ... мы теперь богатые ... даже ее кровать и подушка". С истерическим смехом он сказал: "Мы унесем ее кровать, и папа скатится со своей кровати ... что мы будем делать со всей ее одеждой ... кому мы ее отдадим? Если папа женится, мы не дадим ей мамину одежду ... папа женится на ком-то, кто нам понравится? ... Он нас спросит? Как мы пойдем, что она нам нравится?". Б. попросил конфету: "Мне сегодня много понадобится, три, четыре, шесть, я съем ее конфеты, она все еще может есть конфеты? ... Она умерла, она больше не может есть. Что бы она сказала, если бы видела меня сейчас? /Терапевт: "Она бы поняла, что тебе на самом деле очень грустно."/ Я бы все отдал, только чтобы ей опять стало лучше." Он поправился, добавив, что он просто не может поверить, что его мать умерла: "Я никогда ее больше не увижу, никогда не поговорю с ней?" Наконец он расплакался в ответ на замечание терапевта о том, что он будет думать и говорить о матери, потому что это лучший способ не скучать по ней слишком сильно.

На этой сессии с Б. казалось, что теперь, после окончательного вторжения непостижимой реальности он не знал, как ему реагировать. Казалось, что его переполняет скорее чувство беспомощности, чем печаль: "Почему Р. ответил "кому какое дело", когда я рассказал ему, что моя мама умерла? Какое сегодня число? Запишите его". Он обвел в кружок дату на настольном календаре терапевта и хотел, чтобы она положила всю страницу в его папку. Когда терапевт говорила о замешательстве, которое вызывает тот факт, что он только вчера еще разговаривал с мамой, он сказал: "Она попросила меня говорить громче. Я кричал. Папа сказал, что она теперь плохо слышит - как это?" Б. хотел знать, отменит ли терапевт все свои сессии, чтобы пойти на похороны, и почему она хочет пойти, тогда как он не хочет.

Во время этой сессии у Б. установился паттерн колебания настроения, который он повторял изо дня в день на протяжении многих недель после смерти матери. Он обычно начинал сессию в возбужденном состоянии, похожем на манию, и ему часто требовалось больше половины сессии, чтобы позволить проявиться грустным чувствам.

Мне кажется, что Б. реагировал как травмированный ребенок, который был подавлен внезапным потрясением, несмотря на некоторую подготовку к нему. Теперь он импульсивно воссоздавал его вновь и вновь с тем, чтобы его ассимилировать. Казалось, травматический эффект связан с сокрушительными аффектами, которые он испытал несмотря на то, что "знал" о грядущей утрате, говорил о ней и даже в некоторой степени эмоционально на нее реагировал.

В своем поведении он продолжал демонстрировать отрицание и реверсию аффекта. "Я не против того, что мама умерла - теперь я могу смотреть телевизор; папа мне разрешает". Он смеялся и расхаживал по комнате пародийной женоподобной походкой. "Ее стеганое одеяло и корсет - мои. Я хочу, чтобы ее драгоценности были моими. Я буду очень красивый. Прошлой ночью я спал в ее кровати". Экстернализируя смутное внутреннее волнение, занявшее место отрицания аффекта, Б. хихикал и смеялся и часто говорил, как он рад, что его мама умерла; однако, он постоянно спрашивал, что бы она сказала, если бы

видела его сейчас. Это часто было намеком на то, что он готов к интерпретациям грустных чувств, если они будут поданы в виде того, что его мать "могла" подумать о нем, то есть, что она поняла бы, что он хочет получить ее вещи, потому что так ужасно скучает по ней, или что ему больно грустить.

Б. описал эту борьбу следующим образом: "Вы знаете, я плакал сегодня утром, когда проснулся ... потому что я вспомнил, что мама умерла. Я читал ... потом я вспомнил опять ... потом я пошел в папину комнату. /Внезапная паника:/ Что если папа умрет? Он может умереть, вы знаете, это возможно. Тогда мы с А. /его брат/ будем жить у тети? Мне бы хотелось этого".

Б. постоянно волновался о том, что будет с ним и близкими ему объектами, и это было частью выражения его беспомощности и одиночества. "Может быть, меня похитят. Когда вы только что вышли /из комнаты/, я подумал, что кто-то может залезть через окно и украсть меня, а вы даже не будете этого знать, потому что вы подумаете, что я спрятался, чтобы вас напугать /в прошлом - любимая игра/, и похитители убьют меня." Он был охвачен страхами застрять в лифте здания, где находился офис терапевта (как в гробу?), что он проведет там много часов, и никто его не найдет - или не заметит его отсутствия. Б. пытался удержать в голове мысленный образ матери, но воспоминание о ее внешности, изменившейся за последние несколько недель ее жизни, было слишком болезненным и навязчивым. Пытаясь заблокировать этот более поздний и реалистичный образ, он принес терапевту фотографии, на которых была изображена мать до болезни. Он сделал это после визита в склеп, где он, казалось, был ошеломлен непостижимым фактом, что она находится в гробу, но вне досягаемости для него. Он хотел открыть гроб: "У нее странный вид? Кожа у нее, наверное, не обычного цвета. Она может там дышать? Если мама проснется, как она сможет выбраться из гроба? У мамы там есть одеяло и простыни? Ее болезнь продолжается, даже когда она умерла? Я оставил там для нее бутерброд с арахисовым маслом".

Б. выражал пожелания смерти терапевту, которые терапевт интерпретировала как отражение его грусти и его желания, чтобы терапевт умерла вместо его матери. Он отвечал: "Что, если бы вошел человек и попытался вас убить? Я бы убежал. Если бы вы были волшебницей, вы бы оживили маму и дали ей вечную жизнь. Но жить вечно хотят все, и уже слишком много народу".

У терапевта было впечатление, что хотя ребенок грустил и иногда плакал, его процесс горевания отличался от процесса у взрослого. Казалось, что Б. чаще чувствует себя беспомощным и потерянным, чем пережившим утрату. Он не мог долгое время выдерживать болезненный аффект печали. Он либо отрицал его, либо использовал реверсию, либо пытался найти заместителей матери (не изъев из нее катексис). После смерти матери он стал "собирателем" друзей и с трудом выносил одиночество из-за страха столкнуться со своей печалью. Когда его оставляли одного, он был гиперактивен, все время находился в движении, по-видимому, испытывая сильное чувство пустоты.

Сильная идентификация с утраченным объектом и желание взять себе все ее вещи были отчасти мотивированы сильным чувством вины, вызванным амбивалентными конфликтами по отношению к ней. Некоторое время спустя после смерти матери он высказал фантазию о том, что, будучи грудным младенцем, он бил мать по груди, став таким образом причиной ее болезни и смерти. Со смертью матери вернулись более ранние фантазии о том, что с ним может произойти что-то ужасное. У него были фантазии о возмездии за его собственную агрессию и суицидальные мысли, и он говорил: "Что будет, если я выпрыгну у вас из окна? Я покончу с собой, запершись в машине и задохнувшись"

(У его матери было сильно затруднено дыхание). Наконец он сказал: "Меня похоронят рядом с ней", выразив таким образом свое желание воссоединения.

2. А. было шестнадцать лет, когда он начал проходить психоанализ.¹²⁾ Его мать умерла, когда ему было десять. Его видимая реакция горя была чрезвычайно короткой. У него тут же возникли симптомы и искажения характера, что впоследствии повлияли на процессы развития в подростковом возрасте.

А. ничего не говорили о состоянии его матери, просто незадолго до ее смерти его отослали к друзьям под тем "предлогом", что она болеет. Ему сообщили о смерти матери после похорон. Ему сказали, что она умерла от плеврита. Однако он, вероятно, знал, что она была серьезно больна, так как он вспомнил много подробностей, связанных с ее болезнью (например, как он навещал ее в больнице, как ей нужна была кислородная подушка, как он видел, что она читает исповедальную молитву). Тем не менее, он был крайне возмущен, что ему не сказали, и чувствовал себя обманутым.

Непосредственной реакцией А. на новость о смерти матери были слезы, но вскоре он справился с этим. Поначалу он скучал по ней и обижался на тех, у кого были матери. Позже он редко думал о ней, и ему часто казалось, что у него никогда не было матери. Вероятно, он не получил поддержки сразу после ее смерти. Похоже, что горевание отца тоже было прервано. Недостаток настоящей скорби в семье и недостаток поддержки во время его собственного переживания горя в сочетании с другими факторами привели к возникновению у А. патогенной реакции на утрату.

После утраты матери у А. развились симптомы и серьезные нарушения. Начнем с того, что утрата матери оживила более ранние чувства, связанные с оральной депривацией. Осознание оральных желаний привело к печали, и последовавшая фрустрация этих потребностей подтолкнула его к защитной, основанной на анальности, псевдонезависимости от объектного мира. Простраивая более ранние идентификации с матерью, А. мощно идентифицировался с утраченным объектом и поместил свою собственную и фантазируемую родительскую агрессию внутрь супер-эго, таким образом подменяя утраченные отношения интернализированными, а также усиливая негативное эдипальное отношение к отцу. А. усвоил материнские ритуалы, ее крайнюю ортодоксию, ее ипохондрию, ее сильный страх смерти и избегание социальных контактов. Говорили, что она была невежественна и психически больна. А., несмотря на свой чрезвычайно высокий интеллект, чувствовал себя глупым и боялся сойти с ума. У его постоянного психосоматического нездоровья было несколько детерминант, но основной была его идентификация с ипохондрической матерью. У него было затруднено дыхание, что, хотя и было отчасти вызвано простудой, вероятно, было сродни трудностям с дыханием у матери в ее последние дни. Он часто жаловался, что у него проблемы с печенью - у матери был рак печени.

И в заключение, представляются важными следующие связи, касающиеся его дальнейшего развития. Мать умерла, когда А. был в латентном возрасте. Материал свидетельствует о том, что был достигнут и уровень фаллически-эдипальной организации, хотя она и была очень хрупкой. Разрешение Эдипова конфликта привело к значительному продвижению в латентность с утверждением отца в качестве эго-идеала, смещением катексиса на эдиповые замещающие объекты (тети, девочки старшего возраста), интересом к друзьям и сублимацией энергии влечений на школу, спорт и другую деятельность. Тем не менее, в определенной степени фаллически-эдиповая тревога привела к регрессии на анальную и негативную эдипову позицию. Вероятно, что до смерти матери патология у А. не выходила за границы нормы и не составляла угрозы

дальнейшему развитию. Патогенное влияние смерти матери в полную силу проявилось с наступлением пубертата и возрождением эдиповых переживаний. Идентификация с матерью усилила более раннее негативное эдипальное отношение, и начало пубертата сопровождалось сильной гомосексуальной тревогой. Амбивалентность, ранее расщеплявшаяся между эдиповыми объектами, теперь была направлена на отца. Фантазии о том, что отец убил мать, подкрепляли кастрационную тревогу. Страх кастрации усиливался идентификацией А. с умершей матерью и реальными событиями (он перенес две операции по поводу водянки яичка). Возрождение фаллически-эдиповых переживаний в подростковом возрасте привело к возникновению такой сильной тревоги, что А. надолго вернулся к относительно безопасной анальной позиции. Таким образом, смерть матери явилась тяжелым вмешательством в развитие.

Резюме

В первых главах этой статьи я обсуждал различные факторы, определяющие реакции детей на утрату объекта. Случаи, приведенные в последней части, демонстрируют некоторые характерные реакции: краткий период печали; неспособность поддерживать процесс горевания; массивное использование отрицания и реверсии аффекта; неспособность понять сущность смерти; поиск замещающих объектов (до утраты, если ребенок знал о приближающейся смерти, и после утраты, если он не знал о ней); одновременное (явное или незаметное) образование симптомов и нарастающие искажения характера; страх "заражения", которое приведет к собственной смерти, часто идущий рука об руку с фантазиями о воссоединении.

Какой бы ни была непосредственная реакция, мы можем заключить, что смерть значимого объекта представляет собой вмешательство в развитие. В случае П., нормального ребенка, она осложнила текущие эдипальные отношения и, возможно, несколько преждевременно подтолкнула ребенка к отказу от них. В случае двух детей более старшего возраста было особенно очевидно, что личностные изменения, привнесенные утратой, нанесли вред их последующему развитию.

Примечания

^{*} Перевод осуществлен по: Humberto Nagera. Children's reactions to the death of important objects. *The Psychoanalytic Study of Child*. Volume XXV.

¹ Харрисон и другие (1967), изучая реакции детей на смерть президента Кеннеди, сочли необходимым озвучить предостережение, касающееся достоверности "описаний реакций детей на тяжелую утрату, приведенных горюющими взрослыми". По их данным "было невозможно провести различие между искаженным восприятием и путаницей у взрослых, реакциями детей на трагедию и реакциями детей на перемены, произошедшие во взрослом")

² Как мы знаем, даже лишь разговор о недавно утраченном объекте любви часто ведет к болезненному срыву эго. Этот упадок во многом похож на ошеломляющий травматический опыт со слезами, печалью, сильной болью, неспособностью мыслить или реагировать нормально и организовано. С течением времени и по мере продвижения процесса горевания тот же самый человек сможет связно говорить о событии без срыва эго.

Естественно, реакция на утрату варьирует в зависимости от интенсивности катексиса, характера отношений, интенсивности амбивалентности, существования враждебных желаний и других конфликтов. Похожим образом, как отмечает Поллок (1961), внезапная, неожиданная смерть любимого объекта обычно оказывается более травмирующей, чем смерть, последовавшая за продолжительной болезнью.

³⁾ Похожая ситуация существует в случае с приемными родителями. Хотя раннее усыновление подходящими родителями - самое желательное событие с точки зрения ребенка, приемному родителю следует знать о тех деструктивных или, по меньшей мере, вредных в плане развития, тенденциях, которые судьба навязала тем несчастным детям, родители которых умерли или бросили их.

⁴⁾ Например, Хоффер (1950) отмечал, что адекватная либидинизация тела ребенка в рамках отношений мать-младенец важна для развития у ребенка образа собственного тела.

⁵⁾ Реакции этого мальчика описаны более подробно в последней части этой статьи (см. случай П.)

⁶⁾ Не следует забывать, что в мире взрослых большая часть поведения в ситуации тяжелой утраты является конвенциональной, общепринятой и ритуализированной. Это лишено смысла для маленького ребенка, который еще не сталкивался с этим и не интроецировал это как надлежащий способ поведения в таких условиях. Хотя многие из этих ритуалов исчезают, в некоторых странах еще существуют всевозможные правила, определяющие длительность "официального" траура и строгость налагаемых ограничений в соответствии с тем, насколько близким был умерший родственник и т.д.

⁷⁾ Наблюдения, проведенные Анной Фрейд и Дороти Берлингейм в Хэмпстедском военном приюте, касались множества детей, разлученных с родителями в результате войны. Несколько детей были переданы замещающей матери, и прилагались все усилия к тому, чтобы у ребенка был свой "особый" человек. Наблюдения Робертсона и Боулби касаются, главным образом, детей, живущих в больничных условиях, тогда как Шпиц наблюдал в одном случае реакции на случайную сепарацию матерей-преступниц и их детей, живших вместе в исправительном заведении. Другие его наблюдения касались развития детей в приюте в отсутствие матерей и без адекватного замещения матери. Анна Фрейд (1960) отмечала, что мы на самом деле мало знаем о реакциях на утрату у маленьких детей, оставшихся с живыми родственниками в своей знакомой среде.

⁸⁾ Взрослые, подвергшиеся чрезвычайному стрессу, также могут прибегать к отрицанию, благодаря чему эго получает время на мобилизацию своих ресурсов с тем, чтобы справиться с ситуацией при помощи более адаптивных механизмов. Часто отрицание длится лишь несколько секунд и принимает форму скептицизма, неверия, надежды на то, что произошла ошибка, что это всего лишь ночной кошмар.

⁹⁾ Во время одной из наших дискуссий в Хэмпстеде один из коллег рассказал, как во время прогулки он и его двухлетний сын нашли на обочине погибшую птицу. Он пытался оградить ребенка и не говорить, что птица мертва, но ребенок заметил. Тогда отец решил, что они должны вместе похоронить ее. Маленький мальчик желал знать, в безопасности ли теперь птичка, и хотел убедиться, что машины не смогут переехать ее. Он также хотел знать, кем была птица - ребенком, мамой или папой, и решил, что это птица-мама. Еще раньше он начал убивать червей и свободно говорил об этом. Анна Фрейд, комментируя этот пример, подумала, что взрослые часто пытаются оградить ребенка от контакта со смертью, когда ему это интересно и когда он способен приблизиться к этой теме (на своем

уровне). Таким образом они окружают смерть тайной, как темный и секретный предмет, в котором нельзя разобраться и который нельзя понять. Она считала, что к этой теме следует относиться так же, как к вопросам о сексе. Ребенок должен иметь свободный доступ к этому предмету в любом возрасте. Далее она отметила, что двухлеток увечья и смерть часто не ужасают, а зачаровывают. На анально-садистической фазе им очень интересны искалеченные и убитые объекты. Анна Фрейд высказала мнение, что на самом деле взрослые таким поведением защищаются от садизма ребенка.

¹⁰⁾ Нередко латентный ребенок держит эти фантазируемые отношения с утраченным объектом в секрете. В терапевтическом случае в Хэмпстеде терапевт А.Бене только после многих месяцев лечения обнаружил, что пациентка на протяжении нескольких лет держала в тайне фантазийные близкие отношения с умершим сиблингом.

¹¹⁾ Артур и Кемме (1964) изучали семьи восьмидесяти трех нарушенных детей, где случилась смерть родителя. Они обнаружили "высокую частоту как интеллектуальных, так и эмоциональных проблем, прямо или косвенно связанных с утратой."

¹²⁾ Я признателен Доктору Дж. Новик, терапевту, который вел этот случай, написавшему представленное здесь сжатое резюме.